

RU

Интерпретативное пространство художественного текста как ключевой аспект интимизации содержания

Печенюк А. Н.

Аннотация. Цель исследования - выявление специфики лингвокогнитивных механизмов полилогического взаимодействия социокультурных и эпизодических компонентов интерпретативного пространства. Научная новизна исследования видится в создании квадранглической модели рецептивно-интерпретативной художественной деятельности, учитывающей трехсторонний характер трансляции социокультурных компонентов через призму эпизодической памяти. Общее интерпретативное пространство как коллективный лингвокогнитивный феномен интенсифицирует интеллективно-эмотивное взаимодействие по созданию и расширению смыслов и семантизации их отдельных компонентов. Вариативность процессов интимизации компонентов социокультурной памяти не приводит к модификации ядерных аксиологических компонентов. Акцентуация социокультурных компонентов как ядерных предполагает обратное влияние эпизодики на общее интерпретативное пространство.

EN

Interpretative Space of Literary Text as Key Aspect of Content Intimization

Pechenyuk A. N.

Abstract. The paper aims to reveal linguo-cognitive mechanisms of polylogic interaction of sociocultural and occasional components of interpretative space. Scientific originality of the study involves developing a quadrant model of receptive-interpretative activity taking into account nature of sociocultural information transfer into episodic memory. Common interpretative space as a collective linguo-cognitive phenomenon promotes intellectual-emotive interaction on meaning formation, meaning extension and semantization of meaning components. Variability of sociocultural memory intimization process does not affect nuclear axiological components. Accentuation of sociocultural components as the key ones presupposes reverse influence of episodic memory on common interpretative space.

Введение

Восприятие и интерпретация текстов художественного дискурса, авторы которых являются одновременно акторами и нарраторами, представляют собой предельно осложненный алгоритм авторско-читательского взаимодействия. Необходимо отметить невозможность абсолютной «герметичности» данных лингвокогнитивных процессов, так как они, безусловно, обязаны находить отклик в общедоступном пространстве – языковой системе. Актуальность исследования определяется его обращённостью к изучению одной из самых сложных областей русистики, а именно механизмам адекватной рецепции и интерпретации прецедентных миров русской картины мира в языковых единицах различного уровня. Недостаточное развитие на сегодняшний день этого направления текстологического, лингвокогнитивного и лингвокультурного анализа приводит к тому, что при освещении избранной проблематики все еще преобладает фрагментарная подача информации, стремление к нивелировке значимости эпизодических компонентов в формировании общего лингвокультурного пространства.

Конкретными задачами настоящего исследования являются:

- анализ ключевых механизмов формирования интерпретативных пространств;
- описание способов взаимодействия социокультурных и эпизодических компонентов в процессе интимизации феноменов прецедентного мира «Великая Отечественная война»;
- разработка непротиворечивой комплексной модели рецепции и интерпретации феноменов прецедентного мира в художественном тексте;
- выявление принципов полилогического взаимодействия автора-нарратора и читателя-сокреатора в процессе развития интерпретативных художественных пространств.

Методологическая база исследования интимизационного потенциала интерпретативных пространств основывается на принципе антропоцентричности текстового пространства, а также ключевых положениях герменевтической феноменологии и герменевтико-семасиологического анализа, следование которым позволяет выявить лингвокогнитивные механизмы взаимовлияния социокультурных и эпизодических компонентов в формировании, развитии и функционировании интерпретативного пространства прецедентного мира «Великая Отечественная война».

Для решения вышеозначенных конкретных задач предполагается использование следующих методов: герменевтико-семасиологический анализ применяется в рамках определения общекультурных и личностных элементов генерализованного смысла; контекстуальный и лингвокультурный анализ используется при рассмотрении способов вербализации феноменов прецедентного мира «Великая Отечественная война», для описания механизмов интимизации социокультурных компонентов при интерпретации художественного текста различными реципиентами; элементы критического дискурс-анализа позволяют выявить и описать внетекстовые факторы формирования аксиологического пространства текстов.

Теоретической базой исследования послужили работы современных авторов, акцентирующие свое внимание на проблемах художественной рецепции и феноменологии восприятия [13], вопросах смыслодеривации в текстовом пространстве [3], герменевтическом характере распределения смысловых структур [2; 7].

Практическая значимость работы определяется прежде всего возможностью использования результатов в преподавании вузовских курсов по «Общему языкознанию», «Теории коммуникации» и «Дискурсивным аспектам художественного текста», кроме того, некоторые теоретические положения нашли применение при разработке спецкурсов по «Актуальным проблемам исследования языка художественных произведений» и «Историческому комментарию на уроках русского языка».

Интерпретативные пространства в процессе художественной рецепции

Особенности процессов рецепции, понимания и интерпретации при имплементации компонентов эпизодической памяти в читательское ценностное пространство обусловлены различными факторами. Фокусы адресата и реципиента формируют в условно очерченном пространстве единого коммуникативного взаимодействия интерпретативное пространство создания и восприятия смысла и содержания. Ключевыми положениями интерпретативных текстологических изысканий выступают следующие: 1) художественный опыт обладает наибольшей продуктивностью в рамках интенсификации авторского мировосприятия при преломлении социокультурного опыта; 2) продуктивность художественного представления коренится в сотворчестве. В данном ракурсе можно говорить о взаимодействии социокультурной и эпизодической памяти в процессе сотворения смыслов и значений. Актуализация эпизодических и социокультурных компонентов представляет собой основу создания, трансляции и фиксации смыслов и значений не только в самом тексте художественного произведения, но и в языковой системе. Программируемое воздействие с прогностикой означивания последовательно реализуется при следовании общей «схеме действия», прагматика и суггестия предполагают апелляцию личностного к общекультурному, прямая функция соотношения реально интерпретируемого и «будящего воображение» и создает степень восприятия введенных компонентов и определяет векторы интерпретации их читателем как носителем определенной картины мира [1]. Актуальные динамические процессы формирования интерпретативных пространств в рамках текстовой деятельности в границах конкретного прецедентного мира возможны лишь на основании диалогических отношений автор – читатель, личность – лингвокультура, социокультурное – эпизодическое. Историческая и культурная вариативность иерархических структур рецептивно-интерпретативного пространства текстовой реальности обуславливается попытками продуцента не просто сообщить реципиенту некоторые аспекты собственного восприятия, но и транслировать их в лингвокультуру, создав поле взаимодействия и понимания с помощью интимизации [6].

Каждый художественный текст, представляющий в авторском преломлении некий прецедентный мир, является объектом аксиолого-эстетической рецепции читателя, в качестве амбивалентного пространства анализируется множеством дисциплин: 1) концепция художественной рецепции [13]; 2) общая психология восприятия художественного мира акцентирует свое внимание на квадранглических взаимосвязях «автор – текст», «текст – реципиент», «автор – реципиент», «текст – объективная реальность»; 3) герменевтическая феноменология; 4) лингвистическая аксиология; 5) теория коммуникации анализирует дистантные механизмы адресантно-адресатного диалога.

Не подлежит сомнению доминирование специфических компонентов эпизодических (субъективных) характеристик реципирующего субъекта как обобщенного представителя преломления социокультурной памяти в аспекте распределения и интерпретации «объективных» феноменов художественного пространства, выстраивающихся на основании общей лингвосемантической конвенциональности лингвокультурного сообщества [9, с. 165]. Именно так обеспечиваются культурно-историческая значимость формируемых в таких пространствах смыслов и их дальнейшая семантизация, т.е. реализация конвенционального компонента и вхождение в языковую систему нового обертона значения.

Многоуровневость интерпретативного пространства членится на несколько иерархизированных уровней опредмечивания/распредмечивания: 1) имплементация и интенсификация художественной эмоции [5]; 2) интенциональная рефлексия над авторским RATIO; 3) реципирующее ассоциирование. Согласно этим этапам

распредмечивания вся рецептивная деятельность представляется особым типом интимизации фактов и ситуаций, а также внедрения образов художественной реальности в эпизодическую память.

Процессы, происходящие в рамках создания интерпретативного пространства, можно представить в виде следующей квадранглической модели, которая включает все объективно существующие элементы обеспечения художественной рецепции-интерпретации в рамках единого прецедентного мира (подробнее см. Рис. 1).

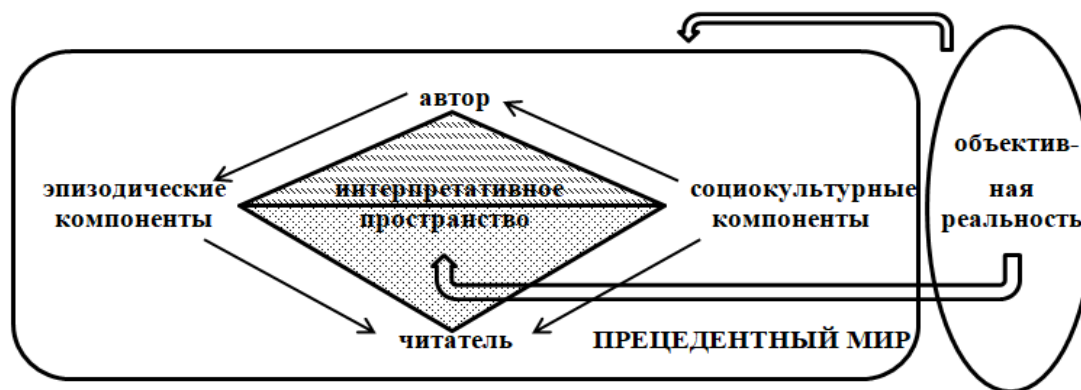

Рисунок 1. Квадранглическая модель рецептивно-интерпретативной художественной деятельности

Каждое из интерпретативных пространств, как и механизмы художественной рецепции, детерминировано социально-культурными факторами, которые можно условно разделить на три широких направления: темпорально-эпистемологические, локально-национальные и морально-идеологические. Не подлежит сомнению наличие динамики при диахроническом рассмотрении рецептивных процессов в различных интерпретативных пространствах. В каждом вариативном представлении интерпретативного пространства прослеживаются интенциональные аспекты как реакция не только конкретного продуцента/реципиента, но и общая тенденция к развитию систем и механизмов восприятия и осознания, приспособление собственных ориентаций к вызовам эпохи. Ориентированность изменений интерпретативных пространств и представляющих их текстов на социокультурную память подчеркивается большинством современных исследователей, так, известный отечественный психо- и социолингвист М. Н. Макеева совершенно справедливо отмечает, что понимание как финальный этап распредмечивания смысла и построение собственной содержательной структуры в гораздо большей степени интенционально, а не психофизично [8, с. 12]. Когнитивная, аксиологическая и эстетическая нагрузка интерпретативного пространства проявляет прямую зависимость от степени интенсивности его интимизации. При осуществлении функции аккумуляции информации различных видов интерпретативные пространства и рассматриваемый нами прецедентный мир «Великая Отечественная война» сохраняют отдельные элементы предшествующих вариаций интерпретации, даже потенциальной, расширяя и фиксируя тем самым наиболее значимые эпизодические компоненты в социокультурной памяти. Именно социокультурная память и функционирование современных интерпретативных пространств и представляющих их текстов в её рамках предоставляет возможность и является главным условием потенциальной познаваемости событий, недоступных прямому наблюдению.

В своем фундаментальном труде по исследованию философии текстового пространства В. П. Руднев так описывает возможность распространения функциональности интерпретативного пространства художественного текста не только на создавшую его лингвокультуру, но и на общечеловеческую аксиологическую сферу, пропозиции рефлексивной реальности являют собой гораздо большую инвариантную сущность, нежели материальное пространство, повлекшее его рождение [10, с. 19-20]. Существование самого произведения вне интерпретативного пространства, вне прецедентного мира, воплощающего интенсифицирующий аспект его создания, представляется невозможным.

Можно с уверенностью утверждать, что коррелятивные соответствия в квадранглической модели не существуют изначально, они формируются только при условии реализации интерпретативным пространством текста своей важнейшей функции, воздействия на читателя в процессе рецепции и перманентной аксиологической коррекции воспринимаемых и интимизируемых компонентов социокультурной памяти.

В рамках рецепции и интерпретации художественной реальности каждый читатель неизменно открывает для себя новые «схемы действия» в условиях внедряемой в самом тексте автором эстетической игры, восприятие или же неприятие их оказывается решающим фактором реализации не только коммуникативного эффекта текста, но и определяет возможность вхождения реципиента в интерпретативное пространство. Следует указать на отсутствие автоматизма распространения действия актуальных «схем действия» по распредмечиванию программируемого воздействия, – длительной и продуктивной функциональностью в концептуальном пространстве культуры будет отличаться тот текст, который эксплицирует и органично вводит в общее лингвокультурное пространство те прецедентные миры, сумма социокультурных компонентов которых превалирует над эпизодическими. Ключевыми в данном феномене «выживания» эпизодических компонентов становятся восприятие

наибольшим количеством реципиентов и интимизация в коллективном интерпретативном пространстве «ситуации порождения, переживания, мышления, именно с той точки зрения и в том ракурсе, каковым оные предстали в практике мышледействования продуцента» [3]. Несмотря на постоянное изменение «схем действовани», обязательность принципиального восприятия текстовой реальности и феноменов, описываемых в ней, является её ключевой характеристикой, таким образом, вариативность художественной рецепции не исключает возвращения на тот или иной виток герменевтической спирали для прояснения содержания, а значит, формирования и развития интерпретативного пространства с все большим (после каждой новой интерпретации) совпадением «горизонтов ожидания» [12, с. 79] реципиентов (прогностических стратегий) и продуцента как представителей одного лингвокультурного сообщества, что в динамике обеспечит наиболее адекватную интерпретацию.

Контаминация социокультурных и эпизодических компонентов в интерпретативном пространстве прецедентного мира «Великая Отечественная война»

Интерпретативное пространство есть результат противоборства и единения прогностической программы авторской суггестии и вариативного толкования, оно строится на основе эффекта «обманутого ожидания». Именно преодолевая этот эффект, читатель интимизирует представленные в текстовом пространстве феномены, а задача продуцента представляется ещё более сложной: с одной стороны, следование, а с другой – слом вышеозначенной прогностики. Введение новых смыслодеривационных моделей формирует особое пространство лингвокогнитивного творчества, решающего поставленные авторской интенцией эстетические и когнитивные задачи [7].

Конфликт социокультурных и эпизодических компонентов обычно сразу же оговаривается в произведении, как и способы его решения и механизмы интимизации амбивалентных корреляций. Например, в «Рассказах Ивана Сударева» как типичном тексте, презентующем прецедентный мир «Великая Отечественная война», А. Н. Толстой интенсифицирует образ русского человека в стереотипном восприятии его «открытости», насущной необходимости «излить душу», т.е. представить компоненты эпизодической памяти «на суд» памяти семантической. В завязке автор вводит два наиболее распространенных способа интимизации личностной психоэмоциональной сферы: 1) «*пошел мягким голосом колобродить про свое отношение к жизни и смерти...*»; 2) «*ни к селу ни к городу начинает освобождать себя от мыслей...*» [11, с. 420]. Эти репрезентанты социокультурной памяти призваны интенсифицировать соответствие вводимых далее в пространство текста эпизодических компонентов: «*То, что наши деды и отцы недодумали, приходится додумывать нам в самый короткий срок, иной раз – между двумя фугасками...*» [Там же]. В данном случае интерпретативное пространство понимания жизни модифицируется специфическим эпизодическим опытом самого продуцента и контрастным изображением процессов интимизации, которые в мирное время оказываются предельно растянутыми во времени, а в условиях влияния на восприятие темпоральных трансформаций прецедентного мира «Великая Отечественная война» сжимаются до долей секунды.

Кроме темпоральных характеристик, специфическую прогностику реализуют и финализирующие компоненты, которые в гораздо более жесткой форме навязывают читателю определенную «схему действовани» по распределению смысла всего дальнейшего текста: «*И делать немедленный вывод при помощи оружия...*» [Там же]. Конфликт компонентов в интерпретативном пространстве здесь ещё раз подчеркивается одним из субъектно-ситуативных феноменов анализируемого прецедентного мира «оружие». При этом формирование смыслов происходит в художественном пространстве не по уже знакомым и конвенционально транслируемым моделям, но по новой схеме, внедряемой продуцентом в самом начале произведения. Разрушение заданных обыденной жизнью способов понимания событий объективной и рефлексивной реальности приводит к становлению особого, отмеченного новыми идеологическими векторами, мировосприятия, потенциально претендующего на распространение и превращение в мировоззрение целого «поколения Войны», которое ещё не стало «поколением Победы». Закономерно, что подобная авторская интенциональность требует от реципиента вхождения в коллективное сотворчество и интерпретативное пространство, в котором будут доминировать уже трансформированные автором метаконцепты. Реципиентская интерпретация в данном случае вынужденно основывается на новых аксиологемах и следует новой эстетике.

Достаточно часто в произведениях, эксплицирующих особые прецедентные миры, наблюдается акцентирование собственной очужденности (по Б. Брехту) и интенсификации общелингвокультурных компонентов в процессе реализации ключевой эстетической функции, т.е. опредмечивание социокультурно значимых смыслов в образах. В произведениях Великой Отечественной войны внедрение данных индикативных аксиологем осуществляется в рамках речевого портретирования наиболее значимого персонажа: «*Мы держим экзамен, великое историческое испытание... Культуру нашу, честную, мужицкую, мудрую несешь в себе?*» [Там же, с. 426]. При этом интимизация осуществляется посредством хеджирования, представления собственных эпизодических компонентов в статусе социокультурных, разделяемых всеми и подкрепленных традициями русского народа: «*На древних погостах деды наши поднялись из гробов – слушать, что мы ответим*» [Там же]. Кроме того, подчеркивается и неединичность толкования общего смысла по предлагаемой «схеме действовани»: «*...говорил он так, будто перед его пальцем сидела тысяча Андреев*» [Там же]. В данном случае реципиент ощущает разделенность мировидения со всеми членами лингвокультурного сообщества и актуализация модельного восприятия феноменов прецедентного мира осуществляется в избранном пространстве интерпретации.

В интерпретативном пространстве можно выделить три темпоральных плана продукции/рецепции: 1) контактная рецепция и рефлексия над компонентами эпизодической и социокультурной памяти в непосредственной представленности (обычно занимает обозримый промежуток времени, когда пережитые события ещё ярко представлены в памяти); 2) дистантная ретроспекция предполагает процесс осознанного сравнения с ранее имевшимся опытом и визуальными социокультурными компонентами (характеризуется средней отсроченностью рефлексии); 3) дистантная проспекция создает основу для дальнейшего функционирования эпизодических компонентов в социокультурной памяти и расширения интерпретативного пространства. Именно последний темпоральный план помогает органичной контаминации вариативных интерпретаций и созданию наибольшего количества точек бифуркации мировоззрения и мировосприятия. Смысл как динамическое образование детерминирован не только иллюкутивной целью автора, но и перлюкутивным эффектом, оказываемым текстом как определенной, четко структурированной последовательностью языковых знаков в их синергетическом взаимодействии, цельности и различных типах связности (когезии и когерентности). В таком объединении художественное произведение в условиях его рецепции в определенном интерпретативном пространстве может быть признано наивысшей коммуникативной единицей, демонстрирующей содержательно-смысловую и структурно-информативную завершенность [4, с. 12]. Художественный текст, созданный продуцентом, является базой, инвариантом смысла для распределения всеми членами лингвокультурного сообщества, при этом его фиксация не является финализирующим актом формирования интерпретативного пространства, которое создается и развивается только в диалогическом взаимодействии.

Заключение

В процессе анализа специфики становления и развития интерпретативных пространств можно сделать вывод о том, что вариативность трансляции, рецепции и толкования компонентов социокультурной памяти в эпизодическом преломлении в условиях влияния на трансформацию всего интерпретативного пространства не изменяет вариант, т.е. сами социокультурные компоненты, ядерные аксиологемы.

Интерпретативное пространство текстовой реальности является гипотетическим потенциальным образованием, которое существует только в разделенной рефлексивной реальности всех членов лингвокультурного сообщества, что дает возможность заключить, что оно выстраивается только благодаря полилогическому взаимодействию продуцента и реципиентов в рамках вышеописанной квадранглической модели. Содержание текста является не только репрезентантом прецедентного мира, но и медиатором в сотворчестве автора и читателя, который интенсифицирует интеллективно-эмотивное взаимодействие по созданию и расширению смыслов и семантизации их в отдельных компонентах значения.

Трансляция в тексте компонентов социокультурной памяти как базы аксиологической системы лингвокультуры, формирующей определенное мировоззрение, предполагает и обратно направленное воздействие – восприятие интерпретативным пространством в процессе рецепции и толкования текста компонентов эпизодической памяти как автора, так и читателя, который не является обычным сторонним наблюдателем, но выступает в качестве актора-соавтора. Взаимодействие продуцента и реципиента в создании общего пространства интерпретации базируется на культурном, историческом, коллективном и индивидуальном опыте реципиента, именно это обуславливает наличие реализационного компонента в генерализованном смысле, ведь извлечь и распределить возможным представляется только то, что потенциально сопоставимо с собственным пространством понимания.

В качестве перспектив дальнейшего изучения проблем формирования интерпретативных пространств следует указать на необходимость применения приемов герменевтико-семасиологического метода для анализа влияния различных темпоральных планов рецепции на степень легитимизации эпизодических компонентов в русской картине мира. Кроме того, внимания заслуживают и процессы, обуславливающие смещение доминант аксиологического пространства.

Источники | References

1. Боров Ю. Эстетика. М.: Политиздат, 1988. 469 с.
2. Бредихин С. Н. Константы интенциональности, субъективности и модальности в герменевтическом понимании смысла // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 3 (44). С. 54-58.
3. Бредихин С. Н. Принципы и условия наличия и формирования смысла (смыслорождающие механизмы) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=8484> (дата обращения: 09.07.2021).
4. Валгина Н. С. Теория текста. М.: Логос, 2004. 280 с.
5. Выготский Л. С. Психология искусства. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 480 с.
6. Залевская А. А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека. Калинин: КГУ, 1977. 83 с.
7. Кротова Д. В. Природа в мировосприятии В. Шаламова: рецепция классических традиций и поэтическое новаторство // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 8 (62). Ч. 2. С. 21-25.
8. Макеева М. Н. Риторика художественного текста и ее герменевтические последствия: дисс. ... д. филол. н. Тверь, 2000. 329 с.

9. Романенко Е. В. Семиотическое пространство массовой литературы: теоретический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 3 (33). Ч. 2. С. 162-167.
10. Руднев В. П. Прочь от реальности: исследования по философии текста. М.: Аграф, 2000. 432 с.
11. Толстой А. Н. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Художественная литература, 1986. Т. 10. Публицистика; Рассказы Ивана Сударева. 510 с.
12. Яусс Х. Р. История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. 1995. № 12. С. 34-84.
13. Eagleton T. Phenomenology, Hermeneutics, and Reception Theory // Literary Theory. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. P. 47-78.

Информация об авторах | Author information

Печенюк Алексей Николаевич¹

¹ Ставропольский государственный педагогический институт

Pechenyuk Aleksei Nikolaevich¹

¹ Stavropol State Pedagogic Institute

¹ magronio@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 12.07.2021; опубликовано (published): 15.09.2021.

Ключевые слова (keywords): интерпретативное пространство; художественный текст; прецедентный мир; рефлексивная реальность; социокультурная и эпизодическая память; interpretative space; literary text; precedent world; reflexive reality; sociocultural and episodic memory.